

Г. Н. КОЧЕШКОВ, Е. Л. САРАЕВА

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ИСТОКИ ФЕВРАЛЬСКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1917 ГОДА ИДЕИ ЛИДЕРОВ ПРОГРЕССИВНОГО БЛОКА

В статье предложен анализ идей либеральных и умеренно-правых лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе об историко-культурных истоках Февральской революции 1917 г., вызвавшей кризис российской государственности. Разнообразие мнений историков о причинах революционного кризиса того времени обуславливает продолжение дискуссии на эту тему. Важен анализ политической культуры лиц, игравших значительную роль в решении вопроса о власти в то время, выявление их национально-государственных приоритетов, мотивации принятия решений. Реконструированы представления «прогрессистов» о долговременных процессах, имевших революционный потенциал: незавершенность реформ, ориентация монархии на политические традиции, не сложился диалог власти с либеральной общественностью, радикализм левых сил в стране, социокультурный раскол общества, не удалось ввести верховенство закона и др. Выявлены идейно-ценностные основы интерпретации либералами и умеренно-правыми социально-политических процессов, обусловивших Февральскую революцию, а также видение политиками-интеллектуалами национальных приоритетов развития России – взаимодействие государства с общественностью на условии защищенности прав личности.

Ключевые слова: *Февральская революция в России, 1917 год, Прогрессивный блок, Государственная дума, идентичность, образ Другого, диалог культур*

Проблема истоков революционных потрясений в России февраля 1917 г. – одна из основных в исследовании системного кризиса того времени. Революция выявила нерешенные ранее цивилизационные задачи во всех сферах жизни общества, привела к кризису российской государственности, к отказу от прежних основ и ориентиров развития, смене политических элит, открыла новые альтернативы движения общества. Проблемный подход дает возможность проанализировать идеи лидеров Прогрессивного блока в IV Государственной думе об истоках социально-политического кризиса в феврале 1917 г. Государственная позиция «прогрессистов» определяет актуальность исследования их представлений о причинах Февральской революции. Для них события февраля – марта 1917 г. были «величайшим крушением», похоронившим «тысячелетнюю империю», царскую корону, народное представительство¹. В эмиграции они сочли своим долгом дать анализ причин катастрофы – разрушения основ российской государственности.

В современных работах по истории Февральской революции, деятельности Прогрессивного блока представлены различные мнения ис-

¹ Шульгин 1990. С. 58.

следователей о причинах революционного кризиса и крушения империи². Их суждения отчасти основаны на трактовке событий думскими либералами. Ф.А. Гайда дал интерпретацию идей П.Н. Милюкова о факторах революции: «... оппозиция, по вине власти весьма слабая, не смогла изменить ход предреволюционных событий в эволюционном ключе, в результате произошла революция, которая и погребла либералов»³. Гайда считает, что Российская империя в годы Мировой войны рухнула «в силу острого и затяжного кризиса внутри ее элиты». Он видит истоки «социальной» революции в «ликвидации государственного механизма» решения социальных проблем⁴. Аналогичный взгляд на основную причину февральского кризиса 1917 г. представил в своей работе С.В. Куликов: крушение власти было обусловлено острым внутриправительственным конфликтом⁵. И.В. Леднева пришла к выводу о том, что основной процесс, вызвавший кризис в феврале 1917 г., – сдерживание правительством развития России по конституционному пути, что привело к разрыву между властью и обществом⁶. Анализ деятельности правительства и его взаимоотношений с Думой позволил этим исследователям увидеть главную причину крушения монархии в неспособности высшей бюрократии, решить сложные социально-политические задачи, пойти на диалог с думской оппозицией.

Д.В. Аронов полагает, что толчком к революции стала «Мировая война, способствовавшая стремительному развитию системного кризиса в стране, который привел к трагическим событиям национальной истории XX в.». Либеральная модель преобразований не нашла поддержки широкими слоями населения и традиционной властью. Политическая власть не увидела в либералах реального союзника реформирования России. «Верх взяли традиционный консерватизм, надежда на проверенные силовые методы разрешения социальных кризисов и конфликтов»⁷. Системный кризис связывается с неспособностью правительства провести реформы, согласованные с думскими инициативами.

А.Б. Николаев проследил втягивание 27 февраля 1917 г. в революцию Государственной думы, охватившей своим влиянием солдат и рабочих. Он дал анализ направлений деятельности Думы того времени⁸.

В.П. Булдаков, рассматривая революцию как «дикую реакцию на латентные формы насилия, которые приняли социально-удушающую

² Булдаков 1997; Герасименко 1995; Никонов 2011; Демин 1996; Николаев 2002; Смирнов 1998, Гайда 2016.

³ Гайда 2016. С. 10.

⁴ Там же. С. 512-513.

⁵ Куликов 1998. С. 257–263.

⁶ Леднева 2002.

⁷ Аронов 2005. С. 405-407.

⁸ Автор не поднимает проблему истоков революции. Николаев 2002.

форму», исследовал раскрытие в ходе революции «“варварского” человеческого естества, запрятанного под ставшей тесной оболочкой “цивилизаторского” насилия власти». Он рассматривает русскую революцию как историю «резко изменившихся отношений человека к власти, себе подобным, окружению», т.е. историю «насилия снизу». На развитие революционного кризиса влияло то, что «верхи и низы в России... никогда не понимали друг друга ни на уровне ближайшего, ни, тем более, общенационального интереса – для этого не находилось общего “языка” гражданского права». Признавая многообразие факторов, обусловивших революцию, В.П. Булдаков писал, что эскалация насилия шла в нижних слоях социума. Либералы воздействовали на общественное сознание, разрушая авторитет монархии. В итоге «нравственная изоляция» самодержавия стала условием его крушения⁹.

Г.А. Герасименко считает, что решающую роль в революции сыграли рабочие; в ходе политической борьбы сложился единый антицаристский фронт, состоявший из буржуазно-помещичьего стана и лагеря революционной демократии¹⁰. О.В. Гаман-Голутвина высказала противоположную точку зрения: «расхожее представление, будто царя к отречению вынудили восставшие рабочие и крестьяне, не более, чем миф. Судьба монархии была решена в узком элитарном кругу политиков и военных»¹¹. В.Н. Дорохов, анализируя исторические взгляды П.Н. Миллюкова, выявил его идеи о взаимодействии «экономических, политических, социальных, интеллектуальных, культурных, психологических факторов», обусловивших вторую русскую революцию: самобытный анархизм масс, «удерживавшихся режимом насилия в состоянии пассивного подчинения», снижение «влияния падающего класса, осужденного на гибель и цепляющегося за самодержавие», «теоретический максимализм революционной интеллигенции, склонной к утопическим решениям и лишенной политического опыта», «сепаратистские настроения вождей национальных меньшинств»¹².

Участники международного круглого стола «Народ и Власть в российской Смуте» (2009 г.), сошлись во мнении о «необходимости осмысления и понимания российских кризисов», продуцирующих революции. По мнению А.И. Колганова, к революции ведет «разрыв между массами и властью, которая не решает проблем, затрагивающих насущные интересы большинства. И.В. Михайлов гибель романовской государственности объясняет политическими и социальными причинами: «закреплением в российском социальном пространстве спектра бинарных оппози-

⁹ Булдаков 1997.

¹⁰ Герасименко 1995. С. 10, 15.

¹¹ Гаман-Голутвина 1998.

¹² Дорохов 2005.

ций, обернувшимся революционным расколом общества». В.В. Шелохаев отметил, что русская смута 1917 г. высветила неспособность власти адекватно реагировать на вызовы времени. Исторический опыт показал, что власть, игнорирующая эти вызовы, провоцирует социальный взрыв. Общество, изолированное от власти, также являлось источником смуты». В массовом сознании Шелохаев выделил переплетение «сиюминутных интересов и абстрактных идеалов будущего, вековой ненависти к господам и пренебрежительное отношение к чужой собственности...». Кризис в 1917 г. он объясняет незавершенностью реформ. По мнению П.П. Марченя, Петербургская империя «не справилась с вызовами современности и не могла более быть движущей силой модернизации»¹³.

В.Э. Багдасарян предложил объяснительную модель общественных трансформаций в России эпохи Модерна – теорию «цивилизационного маятника». Согласно ей, под влиянием «иносистемных проникновений» «в самой цивилизации начинают сталкиваться парадигмы охранительства и изменчивости. Направленность развития цивилизации определяется параметрами сочетания инновационного и традиционного потенциалов»¹⁴. Причины кризисов на этапе незавершенной модернизации он видит в противостоянии сил, отстаивавших традиции и инновации.

В.А. Никонов представил существующие к историографии точки зрения на причины кризиса и крушения империи¹⁵. Г.Н. Кочешков выделил дискуссионные проблемы в историографии Февральской революции (причины, соотношение стихийности и сознательности, содержание и последствия) и дал оценку наиболее распространенных в историческом сообществе точек зрения на причины революции¹⁶. О.В. Розина, протестировав знания студентов-историков московского вуза, пришла к заключению, что школьной и вузовской программой в сознании учащихся сформировано представление об ответственности Николая II за положение дел в России начала XX в.¹⁷.

Как видно, широкая проблематика изучения февральского кризиса 1917 г., современные методологические подходы, детальный анализ политики правительства, его вариантов решения актуальных задач времени и взаимоотношений с парламентариями, осмысление законотворческой деятельности Думы, выявление представлений обывателей о власти, анализ их поведения, характеристика состояния российской экономики обусловили многоаспектный анализ причин революции. Многие исследователи оценивают события февраля 1917 г. как системный кри-

¹³ Народ и Власть в российской Смуте 2010.

¹⁴ Багдасарян 2008.

¹⁵ Никонов 2011.

¹⁶ Кочешков 2017. С. 78-84.

¹⁷ Розина 2018. С. 77-88.

зис, основной причиной которого стала незавершенность процесса модернизации страны. Историки используют тексты современников как значимый источник познания российской действительности. Однако представления лидеров Прогрессивного блока, участников политического противостояния в феврале 1917 г., об истоках этой революции изучены недостаточно, что определяет научную актуальность данной работы. Кроме того, важно выявить черты политической культуры лидеров Прогрессивного блока, представлявших собой сообщество, имевшее общие базовые цели деятельности.

Задача настоящего исследования – реконструкция и анализ суждений лидеров этого блока, о долговременных факторах революционного кризиса в феврале 1917 г. Лидеры Прогрессивного блока осмыслили причины революции в контексте идей о необходимости реформ, диалога власти с общественностью. Незавершенности реформ они связывали с недостаточным осознанием монархами важности адаптации в России инноваций в социальной и политико-правовой сфере.

Круг источников – тексты лидеров Прогрессивного блока, написанные в эмиграции: воспоминания и сочинения. Значимость этой группы источников объясняется, во-первых, аксиологическим подходом их авторов к анализу исторического процесса; во-вторых, их вовлеченностью в политическую борьбу в феврале 1917 г.; в-третьих, глубиной рефлексии о происходящих событиях. Лидеры Прогрессивного блока были высокообразованными людьми, имели опыт парламентской работы, размышляли о причинах революционного кризиса в России. Их анализ важен для выявления идейно-ценностной основы интерпретации ими борьбы за власть в то историческое время, самих истоков революции.

Наиболее информативными источниками по теме являются сочинения депутатов Государственной думы IV созыва: *В.А. Маклакова* (члена кадетской партии, участвовавшего в деятельности Прогрессивного блока), *П.Н. Миллюкова* (лидера кадетской партии, члена Прогрессивного блока и Временного комитета Государственной думы – ВКГД), *В.В. Шульгина* (лидера фракции националистов, входившего в Прогрессивный блок и ВКГД). Анализ их текстов позволяет выявить взаимодействие «общекультурных и групповых представлений о прошлом»¹⁸.

Февральский революционный кризис побудил либералов и умеренно-правых, имевших ранее существенные разногласия, выработать общую позицию. Шульгин, монархист, идентифицировавший себя как умеренно-правый¹⁹, отзывался о кадетях в революции 1917 г. как «*друзьях слева*». Страх перед революцией заставил либералов и умеренно-правых объединиться, писал он: «Встревоженные, взволнованные, как-

¹⁸ Репина 2016. С. 14.

¹⁹ «Я остался с правыми, хотя чувствовал себя умеренным». – Шульгин 1990. С. 70.

то душевно прижавшиеся друг к другу... Даже люди, много лет враждовавшие, почувствовали вдруг, что есть нечто, что всем одинаково опасно... Это нечто – была улица... уличная толпа...»²⁰. Идейной основой соглашения либералов и умеренно-правых стало понимание необходимости укрепления государственности, повышения престижа России, организации снабжения армии, сотрудничества Думы с правительством, проведения реформ с целью не допустить революции. В текстах «прогрессистов» выделяются долговременные и краткосрочные обстоятельства, обусловившие крушение монархии.

В статье анализируются представления В.А. Маклакова, П.Н. Милюкова, В.В. Шульгина о долговременных социально-политических процессах в России позднеимперского периода, имевших революционный потенциал. Эти политические деятели дали наиболее основательную интерпретацию противоречий конституционного развития России, ставших, по словам Маклакова, «горючим материалом» революции. Он писал о взаимосвязи исторических явлений: «Ничто в мире не пропадает бесследно»²¹, а истоки революции выводил из тенденций развития России в XIX – начале XX в.: «Позднейшие "роковые минуты" России уже подготовлялись тогда»²². «Люди с их культурой» и государственная власть «определяются прошлым, которое их воспитывает и образует»²³, поэтому надо искать причины в предшествующих явлениях и процессах, утверждал Маклаков. По его мнению, значимые события «...нужно оценивать в более широкой перспективе»²⁴. Милюков «корни» революции искал в «историческом прошлом»: «...физиономия русской революции определилась в значительной степени нашим прошлым»²⁵. Шульгин оценивал противостояние в Думе различных фракций и монархии с народным представительством как неразрешимый конфликт из-за непреклонности позиций его участников.

В.А. Маклаков и П.Н. Милюков считали, что главная цель политики власти – защита самодержавия – не соответствовала интересам российского общества начала XX в. Весь XIX и начало XX в., по мысли Маклакова, были борьбой двух направлений, «кристаллизация» которых шла все это время, – «старого» и «нового». «Русская старина воплощала внизу в фактическом "бесправии" крестьянского большинства населения, а наверху в "неограниченной" власти самодержца. В ней стали видеть исторические устои самобытной России»²⁶. По Маклакову,

²⁰ Там же. С. 441–442.

²¹ Маклаков 1954. С. 296.

²² Там же. С. 363.

²³ Там же. С. 380.

²⁴ Там же. С. 377.

²⁵ Милюков 2001.

²⁶ Маклаков 1954. С. 295.

причиной конфликтного характера развития России в то время было бесправие масс и «надзаконная власть самодержца». Оба эти обстоятельства были наследием «старой» России. Маклаков ставил под сомнение необходимость сохранения этих «устоев» самобытности страны, полагая, что власть должна искать новые ориентиры развития, каковыми должны стать правовое государство и гражданское общество.

«Новая» Россия противопоставляла старине «порядок, основанный на ограждении прав человека, самоуправлении и верховенстве в государственной жизни закона, а не воли властителя», такие тенденции выделял Маклаков с эпохи Великих реформ. Этот вектор развития России, с его точки зрения, соответствовал интересам общества, личности. Государственная власть в эпоху Великих реформ вводила некоторые новшества, но не довела до конца политику преобразований. Крестьяне остались «низшим, неполноправным сословием. Было восстановлено самоуправление, но только по некоторым вопросам "местного интереса". Суд был провозглашен независимым служителем правды и милости, но только поскольку это не противоречило существованию тогдашнего строя». По Маклакову, инновации не вытеснили традиций, более того, в пореформенный период власть адаптировала нововведения к самодержавной политической системе; она не реформировала систему управления с целью закрепить преобразования и решить новые задачи цивилизационного развития – ввести правопорядок и свободы. Как видно, Маклаков видел Россию позднеимперского периода расколотой на бесправные низы и всевластные верхи. Этот раскол, по его мнению, имел революционный потенциал, так как социальные низы за века бесправия накопили злобу, способную выплеснуться в определенных обстоятельствах. Он акцентировал внимание не только на социальных причинах протестного поведения масс, но и на его эмоциональной окраске – негодовании. Он выявлял конфликтный характер исторического развития России в контексте своего взгляда на его желательное содержание: должны расширяться права человека и ограничиваться законами власть самодержца. С точки зрения Маклакова, власть в последние десятилетия XIX – первые годы XX в. неверно определила национальные задачи – защита самодержавия как главного устоя России, а надо было «защищать государство от революции» путем проведения реформ. Монархия начала уничтожать все то, что было несовместимо с самодержавием. Эту политику Маклаков назвал «злополучной»²⁷.

П.Н. Милюков прослеживал в истории России противостояние, сил, защищавших традиционную власть, старую социальную структуру, привилегии дворянства, и, с другой стороны, новых культурных слоев, ориентированных на европейские ценности и идеалы. В его представле-

²⁷ Там же. С. 295-297, 304.

нии, многовековой русский социально-политический опыт влиял больше на направление развития России в XIX – начале XX в., чем «новые культурные приобретения» – европейское идейное наследие. Метафорически он сравнил их с почвой и поверхностным слоем, который легко может быть уничтожен. Миллюков представил свое понимание процесса европеизации страны, характеризуя его как неорганичный, поскольку «гибкое» и «тонкое» восприятие интеллигенцией европейских инноваций не привело к формированию «устойчивого западного культурного типа», либеральные идеи не укоренились в общественном сознании, не хватило времени на адаптацию западных идеалов в России: восемь поколений не смогли их превратить в составляющую своей культуры. «Незаконченность» формирования новой культуры обусловила идеализацию социалистических моделей преобразования общества, приобрели популярность левые партии. Раскол общества на народ, «бытовая культура» которого воспроизводила опыт «бессознательной жизни», и интеллигенцию, являвшуюся носителем «новой культурной традиции», препятствовал выработке «серьезной государственной мысли». Оценивая русскую государственность XIX – начала XX в. как «слабую», Миллюков имел в виду ее упорство в отстаивании неограниченной власти самодержца, ставшее основной причиной революций в России. «*Инстинкт самосохранения старого режима и его защитников* – таков этот отрицательный фактор», противодействовавший «мирному разрешению конфликтов и внутренних противоречий»²⁸.

Давая схожие интерпретации главной цели самодержавия, Маклаков и Миллюков расходились в оценках отдельных его реформ. Маклаков отмечал повороты в правительственной политике: «Великие реформы», «конституцию» 1905 г., государственный переворот 3 июня 1907 г. По его мнению, с 1905 г. власть постепенно смирялась с конституционным вектором развития государственности, но препятствовала проведению новых политических реформ. Необходимость эволюционного хода исторического процесса Маклаков объяснял необходимостью для власти реагировать на недовольство населения. Он был убежден в том, что лучше заставлять власть меняться, чем «добиваться ее падения»²⁹. Главную силу власти Маклаков видел в привычке к ней населения, а у новой власти нет этого преимущества, от нее требуют большего, и возникнет новый конфликт. Если бы власть прислушивалась к мнению обывателей, защищая их от беззакония со стороны чиновников, ей бы удалось оторвать массы от революционеров и найти почву для примирения, считал Маклаков. Российская власть не смогла преодолеть такие свои чер-

²⁸ Миллюков 2001.

²⁹ Маклаков 1954. С. 298-299. «...разумнее прежнее власть реформировать, но сохранять, не увлекаясь мечтой начать всё строить на “расчищенном месте”».

ты, вызывавшие недовольство населения, как «произвол, презрение к законности и справедливости», определившие бесправие личности. «Недостаток доверия “учреждениям”»³⁰ ронял авторитет власти. По мнению Маклакова, отношение власти к человеку, основанное на подчинении, стало одной из причин революции 1917 г.

Милюков дал иную оценку политической реформы 1905 г., назвав Манифест 17 октября 1905 г., введение свобод, создание Государственной думы «мнимым конституционализмом», а «уступки» «неискренними»³¹. Власть самоизолировалась от общественности. После третьеиюньского переворота правительство не инициировало соглашения с думской оппозицией. По Милюкову, виновником свертывания конституционной альтернативы развития России была монархия.

Социальная опора монархии – бюрократия и дворянство – характеризовалась Маклаковым и Милюковым как защитница старины, традиций. По Маклакову, к революции вели «слепые поклонники самодержавия», которым «всякое покушение на "неограниченность" власти самодержца казалось... умалением идеи монархии», они не хотели сотрудничать с либералами, видели в каждом их шаге «начало конца»³². Формируя ближнее окружение, состав министров, Николай II совершал ошибки, опираясь на людей, ориентированных на «старину», а не на реформы: «Трагедия Николая II была всего более в том, что он сам отстранялся от людей, которые его могли бы и хотели спасти и следовал за теми, кто только под видом преданности и ему, и России, или вполне искренно веря в спасительность своих настояний, толкали его к катастрофе»³³. К главным «спасителям» монархии Маклаков относил Витте и Столыпина, но их сменили лица, неспособные провести нужные обществу реформы. Опора Николая на традиционалистов свидетельствовала о недооценке значимости реформаторского вектора в политике.

Милюков не простил Столыпину издание третьеиюньского избирательного закона, в результате кадеты потеряли возможность использовать Думу в целях введения парламентской монархии. В третьеиюньский период в верхах возобладало «желание императора Николая II сохранить самодержавие таким, каким оно было “встарь”», утверждал Милюков. Главное противостояние, обусловившее революцию в феврале 1917 г., по Милюкову, – конфликт между «старой государственностью» и «новой общественностью»³⁴. «Кое-как сколоченный государственный воз», так Милюков назвал союз бюрократии, «бестолково»

³⁰ Там же. С. 353-354.

³¹ С 1906 г. «курс политики поворачивался все более вправо. “Конституционализм” становился все более призрачным...». – Милюков 2001.

³² Маклаков 1954. С. 370-371.

³³ Там же. С. 373.

³⁴ Милюков 2001.

управлявшей Россией, с партиями, поддерживавшими государя. Чиновники и правые «окончательно изолировали власть от населения». Милоков оценивал монарха, бюрократию и правые партии как «искусственно организованное ничтожное меньшинство», упорство которого в защите традиций привело к катастрофе в годы Мировой войны.

Лидеры либералов понимали, что распад общества представляет угрозу мирной эволюции социально-политической системы. Маклаков выделял три противоборствующие силы, имевшие разные представления о векторах движения страны: государственную власть, либеральную общественность и левые партии. Милоков же писал о «разделении России на два лагеря: Россию официальную и всю остальную Россию». Он считал, что разные оппозиционные течения объединяло стремление ограничить самодержавие. Отношение либералов к левым партиям как союзникам, по мнению Маклакова, было ошибочным, поскольку радикалы были сторонниками революции, а либералы наивно недооценивали ее катастрофические последствия, надеясь их минимизировать. Милоков в эмиграции признал ошибку кадетов, считавших социалистов борцами с деспотизмом. Кадеты слишком поздно осознали опасность радикализма: «Мне казалось (в 1904 г.), что дальнейший ход политической борьбы должен привести к устранению целого ряда разногласий, называвшихся принципиальными, и установить возможность совместных действий обоих течений в борьбе с общим врагом, со старым режимом. Полтора десятка лет, прошедшие с тех пор, показали мне, что я оценивал возможность этого сближения слишком оптимистически. С тех пор сформировались действующие ныне политические партии, и вместо сотрудничества началась непримиримая взаимная борьба»³⁵.

Шульгин в развитии российского конституционализма в 1905–1916 гг. выявлял конфликты, обусловленные, с его точки зрения, расколом в политических кругах. По его мнению, он проявлялся в нежелании Николая II сотрудничать с Думой; в непризнании социалистами разных оттенков «ни самодержавия, ни конституции»; в «прямолинейности» защиты правыми самодержавного государства; в стремлении кадетов ввести «парламентаризм английского типа»³⁶. Шульгин отмечал, что кадеты были склонны к союзу с левыми, находились в «яростной оппозиции» к власти и правым, либералы видели главную опасность в самодержавии, а не в радикальном движении, а это противоречило реализации заявленных кадетами конституционных идей. Он считал, что раскол ставил под угрозу российскую государственность. Ее сохранить могла только сильная власть, укрепление которой произошло в годы премьерства Столыпина. Властный Столыпин, «всероссийский дикта-

³⁵ Там же.

³⁶ Шульгин 1990. С. 47, 48, 53.

тор», говорил и думал о России. В его программе Шульгин выделил актуальные для России задачи: «сдержать анархические начала, грозящие смыть все исторические устои государства», возвести новое здание, строительство которого диктовалось «назревшими нуждами», чтобы «стремительно» двигаться «вперед», обеспечить «толковое управление»³⁷. Для него было важно решать новые задачи в соответствии с интересами государства и общества. Отстаивая «с кафедры Государственной думы» программу Столыпина, Шульгин полагал, что ее воплощение в жизнь сможет обеспечить эволюционное развитие России: правопорядок, благосостояние людей³⁸. Он видел перспективы конституционного движения России, так как Николай II «признал правильной столыпинскую идею, что монарх и Государственная дума должны править Россией совместно»³⁹. Шульгин выделял такие противоречия конституционного развития России, как «неистовство неумеренных»; упорство кадетов в отстаивании идей парламентаризма, посягавших «на историческое достояние русских царей»; отсутствие конструктивного начала в идеях националистов; стремление правых защищать «устои» власти; верноподданные настойчиво «просили царя не уступать Государственной думе», они наносили удары монархии справа, восстав против Столыпина; большевики наносили удары монархии слева⁴⁰.

Как думские лидеры оценивали роль Николая II в развитии революционного кризиса? Они считали его слабым государем, не осознавшим, что надо опираться на министров-реформаторов, а не только на правых⁴¹. Маклаков назвал трагедией непонимание Николаем II значимости для России реформ и сотрудничества с либералами. Он считал, что Николай II развеял веру подданных в самодержавие⁴². В представлении Милюкова, Николай II подчинился «чужой воле», потерял «способность и желание прислушиваться к новым доводам»⁴³.

Либералы и умеренно-правые были уверены, что эволюционное развитие России без революционных потрясений было возможно только на основе реформ, выработанных правительством совместно с Думой, но «деловое сотрудничество» власти с либеральной общественностью в царствование Николая II не состоялось. Кадеты утверждали, что основную ответственность за отказ от сотрудничества несло правительство. Позиция власти – «сначала успокоение, а потом реформы» – оце-

³⁷ Там же. С. 59–61.

³⁸ Там же. С. 90.

³⁹ Там же. С. 97.

⁴⁰ Там же. С. 70, 97, 105.

⁴¹ «“правые” казались Государю не только опорой порядка, но и единственным защитником его собственной власти». – Маклаков 2006. С. 321.

⁴² Там же. С. 16.

⁴³ Милюков 1991. С. 67.

нивалась Маклаковым как «гибельная», поскольку отдаляла реформы. Однако, считал Маклаков, кадеты отчасти тоже виноваты в том, что не удалось убедить власть пойти на диалог с Думой. С его точки зрения, бюрократия после 17 октября 1905 г. приспособилась к новым правовым условиям деятельности: не будучи сторонниками конституционного строя, министры восприняли новые правила игры, определенные Основными законами от 23 апреля 1906 г.. Одной из причин отношения правительства к либералам как к «неблагонадежным» Маклаков считал радикализм их политических требований в 1906, 1915–17 гг. Он утверждал, что законы обязательны для всех – и для депутатов Думы, и для монарха, и его министров. Конфликт, спровоцированный кадетами Ответным адресом в 1906 г., Маклаков назвал «атакой на власть». В отличие от Милюкова, резко критиковавшего Основные законы 23 апреля 1906 г. за ограничение прав Думы, Маклаков находил достоинства этой «конституции»: монарх не мог нарушать законы, был обязан управлять империей на основе права, что, согласно Маклакову, превращало Россию в правовое государство, но кадеты этого не оценили, обратив внимание лишь на недостатки Основных законов. Дума рассматривала себя как законодательную власть, хотя таковой не была, писал Маклаков.

Вопрос средств борьбы оказался ключевым в российской истории первых десятилетий XX в.: «Опаснее было разномыслие в средствах... Освободительное движение оказалось слишком равнодушно к той грани, которая должна была бы отделять эволюцию государства от бедствий всякой революции»⁴⁴. Однако оппозиция была сконцентрирована на решении вопроса власти, а не средствах достижения цели. Ошибкой кадетов Маклаков считал и их нежелание самоограничиваться законами. Причину этой ошибки либеральной общественности Маклаков видел в отсутствии у нее опыта. Кадеты «жили старой психологией "войны с властью до полной победы", а не заключения с ней прочного мира»⁴⁵. Основной политической задачей России в начале XX в., по Маклакову, было введение правового порядка. Он считал, что кадетам нужно было использовать реальные возможности для проведения реформ, а не выдвигать политические и аграрные требования, на основе которых нельзя было найти согласие с монархом и его правительством. Позиция Маклакова: идеалы не всегда можно воплотить в реальности, нужно формулировать задачи, адекватные историческим обстоятельствам. Он называл кадетов свободолюбивыми, бескорыстными, но неопытными интеллигентами-теоретиками, их убеждение, что революция – меньшее зло, чем самодержавие, было исторической ошибкой. Представление кадетов о том, что с революцией им будет легче справиться, чем с самодержави-

⁴⁴ Там же. С. 298.

⁴⁵ Там же. С. 344.

ем, привело к «исторической трагедии»⁴⁶. У кадетов были иллюзии по социальным и национальным вопросам, отмечал Маклаков⁴⁷. Причину слабости либералов он видел в отсутствии у них опыта государственной деятельности, беспомощности в практическом осуществлении своих отвлеченных теоретических идей.

Иначе оценивалась деятельность либералов в Думе Милюковым, убежденным в том, что народные представители, защищая интересы избирателей, могли выдвигать требования, не соответствовавшие российскому законодательству. И в годы своей политической деятельности в России, и в эмиграции Милюков был убежден, что либералы имели право настаивать на проведении более радикальной политической реформы, способной создать конституционное государство. Во время встречи с Витте в ноябре 1905 года Милюков заявил, что «уступки власти» «недостаточны и неполны», «никакое общественное сотрудничество с правительством невозможно до тех пор, пока власть не произнесет открыто слова “конституция”». Десятилетний период Думской монархии он характеризовал как «политическое лицемерие». Ответственность за конфликтный характер отношений Думы с правительством Милюков возлагал на «старые» силы. «Упорство» монархии в сохранении своих полномочий поддерживалось «первенствующим сословием», имевшим черты «старого “служилого” класса, «созданного властью для государственных нужд»⁴⁸. Милюкову не поднимал вопрос о приемлемости кадетской радикальной программы для монархии.

Нерешенность аграрного вопроса стала почвой для социальной революции, отмечал Маклаков. Переворот 3 июня 1907 г. и дальнейшая политика правительства в соединении с войной вели к катастрофе 1917 года⁴⁹. По мнению Маклакова, разногласия между разными социально-политическими силами могли быть разрешены правовыми методами, но власть, консерваторы, либералы и левые не смогли понять необходимость соглашения. Их противостояние привело к революции, в которой каждый стремился одержать победу над другими. Главной нерешенной задачей в России Маклаков считал низкую цивилизованность отношений власти к обществу, к личности. Время, предшествовавшее революции, он назвал «наивными годами»: и правые, и либералы недооценивали глубину катастрофических последствий революции, которую они могли предотвратить⁵⁰. Социально-политические проблемы в России Маклаков назвал «горючим материалом», но они могли быть решены, революционный «пожар» мог и не разгореться. «В феврале 1917 г. рево-

⁴⁶ Там же. С. 328.

⁴⁷ Маклаков 1936. С. 225-228.

⁴⁸ Милюков 2001.

⁴⁹ Маклаков 1954. С. 396-397.

⁵⁰ Там же. С. 371.

люции могло и не быть», думал Маклаков, так как в России постепенно устанавливался конституционный порядок, к которому привыкали правительство и либералы. «Оздоровление оборвала уже война»⁵¹.

Конфликтный характер взаимоотношений между разными политическими силами и непримиримость их позиций продуцировали революцию в России, считали «прогрессисты».

Таким образом, в концепциях Маклакова, Милюкова и Шульгина есть идея вариативности эволюции России в позднейимперский период. «Прогрессисты» выделяли противоречия между самодержавной и конституционной тенденциями развития страны. С их точки зрения, ни одна из них не стала доминирующей, противоречия между ними вели к революции. Общим в их оценке долговременных обстоятельств, продуцировавших революцию, было признание раскола социума на традиционалистские силы и слои, ориентированные на преобразование России на основе идей о верховенстве закона и свободе личности; констатация упорства монархии в отстаивании всевластия, недостаточной обеспеченности защиты прав человека. «Прогрессисты» выделяли следующие долговременные факторы политического и социокультурного развития России, имевшие «горючий», революционный потенциал: незавершенность реформ; убежденность консерваторов, что власть самодержца не может быть ограничена законами, а либералы являются врагами монархии; не было обеспечено верховенство права; за годы существования Думской монархии не удалось наладить диалог правительства с парламентариями; радикализм ряда теоретических положений и требований кадетов, препятствовавший соглашению с монархией; максимализм левых сил в стране; власть расширяла гражданские права людей, но решила проблему злоупотреблений чиновников. Произвол бюрократии вызывал возмущение людей. Нерешенность проблемы «государственная власть – личность» создавала основу для критики правительства.

В анализе «прогрессистами» истоков Февральской революции прослеживаются идейно-ценностные составляющие. Либеральные «прогрессисты» характеризовали тенденции движения социума в контексте своих базовых идей о правовом государстве и гражданском обществе, а Шульгин – с позиции необходимости усиления власти для решения назревших задач развития общества. Общими были убеждения в необходимости эволюционного развития, укрепления государственности, реагирования на запросы общества путем развития конституционной политической системы, законодательства, проведения реформ.

Осмысление Маклаковым, Милюковым и Шульгиным истоков Февральской революции имело концептуальный характер: даны интерпретации целей, средств политики власти, ее реформ и контрреформ,

⁵¹ Там же. С. 377.

состава правительства, позиции общественности, альтернатив развития России в позднеимперский период, интересов и настроений народа.

Думские лидеры не считали Февральскую революцию неизбежной. В их понимании конституционная модель развития России могла приобрести устойчивый характер, если бы правительство проявило большую заинтересованность в сотрудничестве с народным представительством. Для «прогрессистов» не характерен фатализм. Они рассматривали исторический процесс как вариативный, незапрограммированный, многофакторный, определяли роль институтов и личности в истории, признавали влияние случайности на ход событий, применяли принципы детерминизма и историзма к анализу процессов, стремились избегать голословных оценок. Они выделяли верные шаги и ошибки власти, оценивали не благие намерения правительства, а его практику реформ. Но если Маклаков и Шульгин выделяли не только традиционные, но и инновационные процессы в конституционный период, то Милоков акцентировал внимание на консервации политической системы, незаинтересованности монархии в дальнейшем развитии парламентаризма.

Рефлексия «прогрессистов» интересна многофакторным подходом к анализу деятельности правящей элиты, идейно-аксиологической основы ее политики, сословной структуры общества, направлений движения России, традиционных и нововременных элементов в жизни и ментальности власти и общества. Такой подход позволил им выявить сложный характер влияния взаимоотношений разных социально-политических сил на исторический процесс и углубление его противоречий. Их оценка политического контекста зависела от степени соответствия деятельности старых и новых институтов власти задаче преобразований на основе идей законности, обеспечения прав граждан и государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906–1917 гг.). М.: Издательская группа «Юрист», 2005. 413 с.
- Багдасарян В.Э. Российский исторический процесс в контексте теории вариативности общественного развития. М.: Научный эксперт, 2008. 72 с.
- Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 1997. 376 с. URL: http://you1917-91.narod.ru/buldakov_kr_smut.html.
- Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1907–1917). М.: Русский фонд содействия образованию и науки, 2016. 604 с.
- Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции. М.: ИНТЕЛЛЕКТ, 1998. 416 с.
- Герасименко Г.А. Народ и власть (1917). М.: Воскресенье, 1995. 288 с.
- Демин В.А. Государственная Дума России (1906–1917): механизм функционирования. М.: РОССПЭН, 1996. 224 с.
- Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милокова: автореф. дис. канд. ист. наук. М., 2005.
- Кочешков Г.Н. Некоторые дискуссионные вопросы Февральской революции // Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, социологии, теологии, образования: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2017. С. 78-84.
- Куликов С.В. IV Государственная дума и формирование высшей исполнительной власти в годы Первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917) // Россия в XIX–XX ве-

- ках. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. Под ред. А. А. Фурсенко. СПб., 1998. С. 257–263.
- Леднева И.В. Либеральная оппозиция в III Государственной думе: 1907–1912 гг.: дис. ... к. и.н. СПб., 2002. 216 с.
- Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж. Изд. журн. Иллюстрированная Россия, 1936. В 4 вып. 610 с.
- Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. <http://www.hrono.ru/libris/lib/maklak00.html>
- Маклаков В.А. Вторая Государственная дума. Воспоминания современника. 20 февраля – 2 июня 1907 г. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 335 с.
- Милоков П.Н. История второй русской революции. М., 2001.
- Милоков П.Н. Война и вторая революция. Пять дней революции // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М.: Книга, 1991. С. 3-29.
- Милоков П.Н. Историческая память. М.: Современник, 1990. Т. 2. 446 с.
- Народ и Власть в российской Смуте: прошлое и настоящее системных кризисов в России / В.П. Булдаков, П.А. Марченя, С.Ю. Разин // Вестник архивиста. 2010. 23 марта.
- Николаев А.Б. Государственная дума в дни Февральской революции: очерки истории. Язынь: Частный издатель П.А. Трибунский, 2002. 304 с.
- Никонов В.А. Крушение России. 1917. М.: АСТ, Астрель, 2011. 180 с.
- Поздняков К.В. Исторические и политические взгляды П.Н. Милокова (1876–1943): автореф. дис... канд. ист. наук. Иркутск, 1998.
- Репина Л.П. Историческая память и национальная идентичность: подходы и методы исследования // Диалог со временем. Вып. 54. 2016. С. 9-15.
- Розина О.В. Конец правления династии Романовых в фокусе мнений студентов-историков // Духовные основы славянского мира и революция 1917 г. в России. М.: Книжный мир, 2018. С. 77–88.
- Смирнов А.Ф. Государственная дума Российской Империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк. М.: Книга и бизнес, 1998. 624 с.
- Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М.: Новости, 1990. 832 с.

REFERENCES

- Aronov D.V. Zakonotvorcheskaya deyatelnost' rossijskih liberalov v Gosudarstvennoj dume (1906–1917 gg.). М.: Izdatel'skaya gruppa «YUrist», 2005. 413 s.
- Bagdasaryan V.E. Rossijskij istoricheskij process v kontekste teorii variativnosti obshchestvennogo razvitiya. М.: Nauchnyj ehkspert, 2008. 72 s.
- Buldakov V.P. Krasnaya smuta: Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. М.: ROS-SPEHN, 1997. 376 s. URL: http://you1917-91.narod.ru/buldakov_kr_smut.html.
- Gajda F.A. Vlast' i obshchestvennost' v Rossii: dialog o puti politicheskogo razvitiya (1907 – 1917). М.: Russkij fond sodejstviya obrazovaniyu i nauki, 2016. 604 s.
- Gaman-Golutvina O. V. Politicheskie ehhlity Rossii. Vekhi istoricheskoy ehvolyucii. М.: INTELLEKT, 1998. 416 s.
- Gerasimenko G.A. Narod i vlast' (1917). М.: Voskresen'e, 1995. 288 s.
- Demin V.A. Gosudarstvennaya Duma Rossii (1906–1917): mekhanizm funkcionirovaniya. М.: ROSSPEHN, 1996. 224 s.
- Dorohov V.N. Istoricheskie vzglyady P.N. Milyukova: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. М., 2005.
- Kocheshkov G.N. Nekotorye diskussionnye voprosy Fevral'skoj revolyucii // Voprosy otechestvennoj i zarubezhnoj istorii, politologii, sociologii, teologii, obrazovaniya: materialy konferencii «Chteniya Ushinskogo». YAroslav', 2017. S. 78-84.
- Kulikov S.V. IV Gosudarstvennaya дума i formirovanie vysshej ispolnitel'noj vlasti v gody Pervoj mirovoj vojny // Rossiya v XIX–XX vekah. Sb. st. k 70-letiyu so dnya rozhdeniya Rafaila SHolomovicha Ganelina / Pod red. A. A. Fursenko. SPb., 1998. S. 257–263.
- Ledneva I.V. Liberal'naya oppozitsiya v III Gosudarstvennoj dume 1907–1912. SPb., 2002. 216 s.
- Maklakov V.A. Vlast' i obshchestvennost' na zakate staroj Rossii (vospominaniya sovremennika). Parizh. Izd. zhurn. Illyustrirovannaya Rossiya, 1936. V 4 vyp. 610 s.
- Maklakov V.A. Iz vospominanij. N.Y., 1954. http://www.hrono.ru/libris/lib_m/maklak00.html.
- Maklakov V.A. Vtoraya Gosudarstvennaya дума. Vospominaniya sovremennika. 20 fevralya – 2 iyunya 1907 g. М.: ЗАО Centrpoligraf, 2006. 335 s.

- Milyukov P.N. Istoriya vtoroj russkoj revolyucii. M., 2001. URL: https://royallib.com/read/milyukov_pavel/istoriya_vtoroy_russkoj_revolyutsii.html#20480.
- Milyukov P.N. Vojna i vtoraya revolyuciya. Pyat' dnei revolyucii (27 fevralya-3 marta) // Strana gibnet segodnya. Vospominaniya o Fevral'skoj revolyucii 1917 g. M.: Kniga, 1991. S. 3-29.
- Milyukov P. N. Vospominaniya. M.: Sovremennik, 1990. T. 2. 446 s.
- Narod i Vlast' v rossijskoj Smute: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov v Rossii / V.P. Buldakov, P.A. Marchenya, S.YU. Razin // Vestnik arhivista. 2010. 23 marta.
- Nikolaev A.B. Gosudarstvennaya дума v dni Fevral'skoj revolyucii: ocherki istorii. Rya-zan': CHastnyj izdatel' P. A. Tribunskij, 2002. 304 s.
- Nikonov V.A. Krushenie Rossii. 1917. M.: ACT, Astrel', 2011. 180 s.
- Pozdnyakov K.V. Istoricheskie i politicheskie vzglyady P.N. Milyukova (1876 – 1943): avtoref. dis... kand. ist. nauk. Irkutsk, 1998.
- Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i nacional'naya identichnost': podhody i metody issledovaniya // Dialogue with time. Vyp. 54. 2016. P. 9-15.
- Rozina O.V. Konec pravleniya dinastii Romanovyh v fokuse mnenij studentov-istorikov // Duhovnye osnovy slavyanskogo mira i revolyuciya 1917 g. v Rossii. M.: Knizhnyj mir, 2018. S. 77–88.
- Smirnov A.F. Gosudarstvennaya дума Rossijskoj Imperii 1906–1917 gg.: Istoriko-pravovoj ocherk. M.: Kniga i biznes, 1998. 624 s.
- SHul'gin V.V. Gody. Dni. 1920. M.: Novosti, 1990. 832 s.

Кочешков Геннадий Николаевич, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; kocheshg@mail.ru

Сараева Елена Леонидовна, доктор исторических наук, доцент, кафедра Отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; els5656@yandex.ru

The views of the leaders of the Progressive Bloc

The article offers an analysis of the ideas of the liberal and moderate right-wing leaders of the Progressive Bloc in the Fourth State Duma for historical and cultural origins of the February Revolution of 1917, which have caused a crisis of Russian statehood. The diversity of historians' opinions of the causes of the revolutionary crisis of the time stipulates the continuation of the discussion on this topic. It is important to analyze the political culture of individuals who played a significant role in resolving the issue of power at the time, when they identified their political priorities and decision-making motivation. The ideas of the Progressists about long-term processes with a revolutionary potential were reconstructed: the incompleteness of reforms, the monarchy's orientation toward political traditions, the absence of a dialogue between the authorities and the liberals, the radicalism of the leftist forces in the country, the sociocultural split in society, the inability of the authorities to introduce the rule of law, and others. The ideological-value elements in an interpretation of the socio-political processes having led to the February revolution by liberals and moderate right-wing activists are shown: the rule of law, democracy, political freedoms and human rights, culture, powerful statehood, Russia. The value approach has determined the vision by the intellectual politicians of the national priorities of Russia's development - the interaction of the government with the public on the condition of individual rights protection.

Keywords: 1917 February revolution in Russia, Progressive bloc, State Duma of the Russian Empire, V.A. Maklakov, P.N. Milyukov, V.V. Shulgin

Gennadii Kocheshkov, Dr. Sc. (History), Professor, Chair of Russian History, Yaroslavl State Pedagogical University; kocheshg@mail.ru

Saraeva Elena Leonidovna, Dr. Sc. (History), Associate professor, Russian History Department, Yaroslavl State Pedagogical University; els5656@yandex.ru